

**В.В. ПЕНСКОЙ**

## **ПЕРЕВОРОТ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ конца XV–XVII века В НОВЕЙШЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В “Истории военного искусства в XVI столетии”, вышедшей в свет в 1937 г., ее автор, британский военный историк сэр Ч. Оман, заявил, что “XVI в. – самый неинтересный период в европейской военной истории”<sup>1</sup>. Через 20 лет этот вывод воспринимался уже как поспешный и устаревший. И хотя, быть может, XVI и XVII вв. все еще менее известны широкому кругу читателей, интересующихся историей военного дела, чем, например, войны XVIII столетия или наполеоновские, не говоря уже о Первой и тем более о Второй мировой войне, мало-помалу им возвращается заслуженное место в военной летописи.

Этот своеобразный “ренессанс” в изучении истории военного дела эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени не в последнюю очередь связан с осознанием научным сообществом значимости тех серьезных изменений, которые повлекло за собой изобретение, освоение и широкое применение на поле боя пороха и огнестрельного оружия. Новации в тактике и стратегии, обусловленные внедрением огнестрельного оружия в повседневную практику и европейских, и азиатских армий, не остались не замеченными в сочинениях практиков и теоретиков военного дела конца XV – начала XIX в.<sup>2</sup> Тем не менее военное дело эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени долгое время не привлекало пристального внимания специалистов-историков – как штатских, так и в погонах, пока в январе 1955 г. британский историк М. Робертс не произнес слова, ставшие своего рода точкой отсчета в истории изучения искусства ведения войны той давней эпохи.

Речь идет о введенной Робертсом в научный оборот оригинальной концепции так называемой “военной революции”. Эти слова, вынесенные в заголовок, казалось бы, вполне заурядной лекции, как показали дальнейшие события, стали, по словам его последователя Дж. Паркера, лейтмотивом “своеобразного манифеста, подчеркнувшего новизну, важность и историческую своеобразность совокупности новшеств в военном искусстве постренессансной Европы”<sup>3</sup>. Правда, произошло это несколько позже, вскоре после того, как лекция Робертса вышла отдельным изданием. Идея, выдвинутая известным прежде лишь в узком кругу специалистов историком, вызвала огромный

---

*Пенской Виталий Викторович* – доктор исторических наук, профессор кафедры теологии Белгородского государственного университета.

<sup>1</sup> Цит. по: *Parker G. The “Military Revolution,” 1560–1660 – a Myth? – The Journal of Modern History*, v. 48, № 2, June 1976, p. 195.

<sup>2</sup> Достаточно указать лишь на некоторые из них, переведенные на русский язык. См. *Монтекули Р.* Записки Раймунда графа Монтекули, генералиссимуса цесарских войск, генерал-фельдцейхмейстера и кавалера Златаго Руна, или главные правила военной науки вообще. М., 1760; *Фридрих II.* Поэма военное искусство в шести песнях, сочинение Фридриха Великого. СПб., 1817; *Коммин Ф. де.* Мемуары. М., 1986; *Наполеон.* Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб., 1994; *Макиавелли Н.* О военном искусстве. – *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1997, и др.

<sup>3</sup> *Parker G. The “Military Revolution,” 1560–1660 – a Myth?, p. 195.*

интерес<sup>4</sup>, породила оживленную дискуссию вокруг характера тех изменений, которые произошли в военном деле Евразии в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени. “В течение нескольких лет в известной степени туманная концепция военной революции стала новой ортодоксией в истории Европы на заре Нового времени”<sup>5</sup>, – отмечали Б. Хэлл и К. Де Фриз. Она легла в основу многих исторических исследований 1960-х – начала 1970-х годов, посвященных истории Западной Европы XIV–XVIII вв.<sup>6</sup> Сам Робертс, не ожидавший такого эффекта от своего выступления, писал Паркеру в 1995 г., что никак не рассчитывал на то, что обычная лекция в провинциальном университете вызовет такой резонанс, и не предполагал, что ему удастся внести в историческую науку нечто новое<sup>7</sup>. Но случилось иначе, и начавшаяся вокруг выдвинутых Робертсом тезисов дискуссия не утихла и по сей день.

Обсуждение новой концепции пробудило большой интерес к истории военного дела и военной истории Евразии позднего Средневековья – раннего Нового времени, и очень скоро выяснилось, что оценки Омана – заблуждение. Однако первичная увлеченность военной революцией к середине 1970-х годов пошла на спад (впрочем, такова судьба всякой исторической концепции, претендующей на широкое обобщение). Критика уязвимых мест гипотезы Робертса потребовала от ее сторонников корректировки концепции. Начало процессу ревизии идеи военной революции положил Паркер своей программной статьей “Военная революция” 1560–1660 – миф?».

В ней, соглашаясь с четырьмя ключевыми, по его мнению, тезисами Робертса о революции в тактике, революции в стратегии, невероятном росте масштабов войны в Европе и огромном влиянии, которое оказала новая война на развитие западноевропейского общества, Паркер задался вопросом: “Могут ли эти утверждения быть изменены в современных условиях?”<sup>8</sup>.

Ответ на него был утвердительным. Принимая основополагающие положения концепции Робертса, Паркер внес в идею военной революции (применительно к эпохе позднего Средневековья – раннего Нового времени, поскольку сама эта идея к тому времени распространилась уже и на другие эпохи<sup>9</sup>) существенные коррективы и поправки, иначе расставил акценты. Во-первых, по мнению Паркера, 1560 г., выбранный Робертсом в качестве отправной точки военной революции, не совсем удачен, так как явные признаки, присущие армии Нового времени, армии эпохи военной революции, можно найти в “компаниях” (отрядах) кондотьеров ренессансной Италии. Вместе с тем военная революция не закончилась и в 1660 г., поэтому Паркер предложил расширить ее временные рамки с 1530 по 1710 г.<sup>10</sup> Во-вторых, признавая значимость вклада, внесенного Морием Оранским и Густавом-Адольфом в развитие западноевропейского военного дела раннего Нового времени, Паркер подчеркнул необходимость отдать должное их

<sup>4</sup> Основные положения концепции военной революции были изложены М. Робертсом в статье “Военная революция, 1560–1660”, которая впоследствии неоднократно перепечатывалась. См., например: *Roberts M.* The Military Revolution, 1560–1660. – *Roberts M.* Essays in Swedish History. London, 1967; *idem.* The Military Revolution, 1560–1660. – *The Military Revolution Debate. Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe.* Boulder, 1995.

<sup>5</sup> *Hall B.S., DeVries K.R.* The Military Revolution Revisited. – *Technology and Culture*, № 31, 1990, p. 500.

<sup>6</sup> См., например: *Clark G.* War and Society in the Seventeenth Century. Cambridge, 1958; *McNeill W.* The Rise of the West. A History of Human Community. Chicago, 1963 (русс. пер.: *Мак-Нил У.* Восхождение Запада. История человеческого сообщества. М. – Киев, 2004); *Bean R.* War and Birth of the Nation State. – *The Journal of Economic History*, v. 33, № 1, march 1973; *Howard M.* War in European History. London, 1976, и др.

<sup>7</sup> *Parker G.* The “Military Revolution” 1555–2005: from Belfast to Barcelona and the Hague. – *The Journal of Military History*, № 69, january 2005, p. 209.

<sup>8</sup> *Parker G.* The “Military Revolution”, 1560–1660 – a Myth?, p. 197.

<sup>9</sup> См., например: *Thompson W.R., Rasler K.* War, the Military Revolution(s) Controversy, and Army Expansion. A Test of Two Explanations of Historical Influences on European State Making. – *Comparative Political Studies*, v. 32, № 1, february 1999, p. 3–5.

<sup>10</sup> *Parker G.* The “Military Revolution”, 1560–1660 – a Myth?, p. 223.

предшественникам, прежде всего испанским военным теоретикам и практикам XVI в.<sup>11</sup> Кроме того, он обратил внимание на целый ряд других военно-технических новшеств, оказавших значительное влияние на развитие военного дела в XVI в., в частности, на новую систему фортификации, так называемую “*trace italienne*”, которая появилась в ответ на растущую мощь артиллерии<sup>12</sup>.

Статья Паркера, придавшая увядшей, было, под напором критики гипотезе Робертса новое, более четкое и современное звучание, способствовала оживлению споров вокруг проблемы военной революции. За этим небольшим, но весьма содержательным исследованием последовал целый ряд других работ, где были изложены все основные “за” и “против” концепции военной революции, исправленной и модернизированной Паркером<sup>13</sup>. Своеобразным ответом на эти публикации стало масштабное исследование Паркера “Военная революция. Военные инновации и восхождение Запада, 1500–1800”<sup>14</sup>. В нем он изложил свое видение проблемы с учетом последних данных. И снова эта работа, в которой английский историк высказался в защиту идеи Робертса против ее критиков, послужила началом еще одного витка оживленной дискуссии вокруг проблемы военной революции, захватившей в 1990-х годах все новые и новые аспекты перемен в военном деле позднего Средневековья и начала Нового времени<sup>15</sup>.

К началу XXI в. в дискуссиях на эту тему четко обозначились основные точки зрения. С тем, что внедрение пороха и огнестрельного оружия в повседневную военную практику Запада (а затем Востока) имело весьма серьезные последствия, были согласны все участники дискуссии. Однако мнения историков, занимающихся этим вопросом, расходятся по нескольким основным пунктам, главными из которых являются следующие: были ли эти перемены действительно революционными, каков их временной и пространственный охват и в чем заключались их последствия как для истории Европы, так и для всего мира<sup>16</sup>.

---

<sup>11</sup> Ibid., p. 198–199. О вкладе испанцев в развитие военного дела раннего Нового времени см.: *Leon de F.G. Spanish Military Power and the Military Revolution.* – *Early Modern Military History.* 1450–1815. New York, 2004; об испанской Фландрской армии: *idem. The Road to Rocroi. Class, Culture and Command in the Army of Flanders, 1567–1659.* Leiden – Boston, 2009; об испанском солдате раннего Нового времени: *White L. The Experience of Spain's Early Modern Soldiers: Combat, Welfare and Violence.* – *War in History*, 2002, v. 9 (1).

<sup>12</sup> *Parker G. The “Military Revolution,” 1560–1660 – a Myth?*, p. 203–204.

<sup>13</sup> См., например: *Jespersen K.J.V. Social Change and Military Revolution in Early Europe: Some Danish Evidence.* – *Historical Journal*, v. 26, issue 1, march, 1983; *Tallett F. War and Society in Early Modern Europe 1495–1715.* London, 1992; *Black J. War and the World. Military Power and the Fate of Continent 1450–2000.* New Hawen – London, 1994, и др.

<sup>14</sup> *Parker G. The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800.* Cambridge, 1988.

<sup>15</sup> Краткий обзор последних публикаций по проблеме см., например: *Parker G. The “Military Revolution” 1955–2005: from Belfast to Barcelona and the Hague; Rogers C.J. The Military Revolution in History and Historiography.* – *The Military Revolution Debate. Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe.* Boulder, 1995. См. также: *Downing B.M. Constitutionalism, Warfare, and Political Change in Early Modern Europe.* – *Theory and Society*, v. 17, № 1, january, 1988; *Poe M. The Consequences of the Military Revolution in Moscow: A Comparative Perspective.* – *Comparative Studies in Society and History*, v. 38, № 4, october 1996; *Crevelde M. van. Technology and War I: to 1945.* – *The Oxford Illustrated History of Modern War.* Oxford, 1997; *Raudzens G. Military Revolution or Maritime Evolution? Military Superiorities or Transportation Advantages as Main Causes of European Colonial Conquests to 1788.* – *The Journal of Military History*, v. 63, № 3, july 1999; *Kelenik J. The Military Revolution in Hungary.* – *Ottomans, Hungarians, and Habsburgs in Central Europe. The Military Confines in the Era of Ottoman Conquest.* Leiden – Boston, 2000, и др.

<sup>16</sup> Обзор основных направлений в изучении проблем, связанных с коренными изменениями в европейском военном деле конца Средневековья – начала Нового времени, см.: *Parrott D. The Constraints on Power: Recent Works on Early Modern European History.* – *European History Quaterly*, 1990, v. 20; *Lynn J.A. Review Essay: Clio in Arms: the Role of the Military Variable in Shaping History.* – *The Journal of Military History*, v. 55, № 1, january, 1991; *Frost R.J. The Polish-Lithuanien Commonwealth and the “Military Revolution”.* – *Poland and Europe: Historical Dimensions. V. 1. Selected Essays from the Fiftieth Anniversary International Congress of the Polish Institute of Arts and Sciences of America.* New York, 1993, и др.

Главным защитником идеи военной революции и продолжателем дела, начатого Робертсом, стал, как уже отмечалось, Паркер. В ряде работ он попытался обстоятельно изложить все доводы “за”, при этом существенно дополнив и развив концепцию своего предшественника, придав ей большую стройность и определенность. К настоящему времени гипотеза о военной революции в Европе на рубеже Средневековья и Нового времени в наиболее сжатом виде, по мнению Паркера, может быть представлена следующим образом: “Трансформация военного дела в Европе на заре Нового времени включала в себя три основных компонента: широкое использование огнестрельного оружия, распространение новых систем фортификации и рост численности армий”<sup>17</sup>. Сначала эти три инновации повлекли за собой новшества в военном деле, а затем под их влиянием серьезные перемены затронули уже политическое, социальное, экономическое и культурное устройство западноевропейского общества<sup>18</sup>. В таком виде идея военной революции привлекла к себе значительное число сторонников и так или иначе нашла отражение в серии исследований и научно-популярных работ<sup>19</sup>.

Но вместе с тем в это время окончательно сформировалось и окрепло течение, подвергающее сомнению саму идею военной революции. Его приверженцы считают, что для описания характера происходивших перемен термин “революция” не подходит из-за чрезвычайной их растянутости во времени и “размывания” в результате расширения поля исторического поиска первоначально стройной и логичной идеи. Ученые, которых можно причислить к этой группе, являются скорее сторонниками постепенного, пошагового развития и изменения западноевропейского военного дела в период между концом Средневековья и началом Нового времени, т.е. “эволюционистами”. Термин “военная эволюция” предложил использовать для описания процессов в военном деле того времени Дж. Хэйл. По его мнению, для революции процесс перемен в военной сфере оказался слишком растянут во времени<sup>20</sup>. А один из главных “эволюционистов”, Дж. Линн предложил вообще отказаться от термина “военная революция”, выдвинув взамен оригинальную гипотезу поэтапного развития европейского военного дела от эпохи Средневековья до наших дней<sup>21</sup>.

Анализируя эволюцию западноевропейского военного дела, Линн отмечал, что для изучения особенностей военного строительства на каждом этапе его развития намного более важным является исследование таких его аспектов, как способы комплектования вооруженных сил, их организация, проблемы мотивации и морального духа, состоя-

---

<sup>17</sup> Parker G. The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800..., p. 43; *idem*. The Limits to Revolutions in Military Affairs: Maurice of Nassau, the Battle of Nieuwpoort (1600), and the Legacy. – The Journal of Military History, № 71, april 2007, p. 331–332.

<sup>18</sup> См., например: Jespersen K.J.V. Social Change and Military Revolution in Earle Modern Europe: Some Danish Evidence. – The Historical Journal, v. 26, issue 1, march 1983.

<sup>19</sup> Potter D. War and Government in the French Provinces. Picardy 1470–1560. Cambridge, 1993; Eltis D. The Military Revolution in Sixteenth-Century Europe. London – New York, 1995; Wood J.B. The King’s Army. Warfare, Soldiers and Society during the Wars of Religion in France, 1562–1576. Cambridge, 1996; Childs J. The Military Revolution I: The Transition to Modern Warfare. – The Oxford Illustrated History of Modern War. Oxford, 1997; DeVries K. Gunpowder Weaponry and the Rise of the Early Modern State. – War in History, 1998, № 5 (2); Croxton D. A Territorial Imperative? The Military Revolution, Strategy and Peacemaking in the Thirty Year War. – War in History, 1998, № 5 (3); Palmer M.A.J. The “Military Revolution” Afloat: the Era Anglo-Dutch Wars and the Transition to Modern Warfare at Sea. – War in History, 1997, № 4 (2); Arnold T. Renaissance at War. London, 2001; Roy K. Military Synthesis in South Asia: Armies, Warfare and Indian Society. 1740–1849. – The Journal of Military History, v. 69, july 2005; Raymond J. Henry VIII’s Military Revolution. The Armies of Sixteenth-Century Britain and Europe. London – New York, 2007, и др.

<sup>20</sup> Hale J.R. War and Society in Renaissance Europe, 1450–1620. New York, 1985, p. 46.

<sup>21</sup> Lynn J.A. The Evolution of Army Style in the Modern West, 800–2000. – The International History Review, v. XVIII, № 3, august, 1996, p. 509. Вслед за ним Дж. Чайлдс, встав на точку зрения “эволюционистов”, в своем научно-популярном очерке о военном деле XVII в. заявил о “смерти” военной революции, резонно заметив, что революция не может длиться ни 350, ни даже 100 лет. – Childs J. Warfare in the Seventeenth Century. London, 2001, p. 16–18.

ние командования, формы оплаты военнослужащих и отношения армии с обществом и властью. Технологические и тактические новшества вместе со способами подготовки и обучения личного состава вооруженных сил, которым сторонники военной революции уделяли и продолжают уделять первостепенное внимание, на взгляд Линна, конечно же, важны, но, по сравнению с названными выше аспектами, занимают второстепенные позиции. Неправильным, с его точки зрения, является и стремление Паркера свести причины изменений в военном деле позднесредневековой Европы и Европы на заре Нового времени к технологическим новшествам типа новой системы фортификации “*tracé italienne*”<sup>22</sup>. Не стоит преувеличивать, по его мнению, и роль голландского государственного и военного деятеля Морица Оранского и шведского короля Густава Адольфа как родоначальников новой линейной тактики. Как указал историк, армия французского короля Генриха IV раньше голландцев и шведов перешла от традиционных для XVI в. крупных формирований и глубоких построений к небольшим подразделениям и стала использовать элементы линейной тактики<sup>23</sup>.

Жесткая и, надо отметить, справедливая критика “эволюционистами” уязвимых мест теории военной революции, тем не менее, не привела к ее исчезновению. Напротив, эта критика лишь стимулировала дальнейшее изучение истории военного дела того периода. Начавшееся “размывание” временных и географических рамок военной революции продолжилось<sup>24</sup>. Так, ряд западноевропейских историков, соглашаясь с тем, что военная революция все-таки имела место, полагают, что на протяжении более чем 300 лет, с середины XV и до начала XIX в., было по меньшей мере две, а то и больше, военные революции. По мнению К. Роджерса, за 400 лет, с XIV по XVII вв., европейское военное дело пережило даже четыре военные революции: “пехотную”, “артиллерийскую”, “артиллерийско-крепостную” и собственно “военную”<sup>25</sup>. Некоторые же ученые, как, например, М. Прествич, и вовсе считают, в чем-то смыкаясь с “эволюционистами”, что военная революция второй половины XV–XVIII в. была естественным продолжением средневековой военной революции, проходившей поэтапно с конца XII по 40-е годы XIV в.<sup>26</sup>

Справедливости ради отметим, что существует мнение, согласно которому временные рамки военной революции сужаются до конца XV – первой половины XVI в., когда перемены в военной сфере происходили настолько быстро, что в 1559 г. министр испанского короля Филиппа II Гранвелла заявил посланцу британской королевы Елизаветы I буквально следующее: “Искусство войны теперь таково, что требуется переучиваться ежегодно”<sup>27</sup>.

---

<sup>22</sup> Lynn J. The Trace Italienne and the Growth of Armies: The French Case. – The Journal of Military History, v. 55, № 3, July 1991, p. 323.

<sup>23</sup> Lynn J.A. Tactical Evolution in the French Army. 1560–1660. – French Historical Studies, v. 14, issue 2, autumn, 1985. Дж. Линн не одинок в своем мнении. Так, английский историк Р. Бржезинский в научно-популярном очерке об армии Густава Адольфа отмечал, что его нововведения вовсе не носили столь уж революционный характер, как об этом принято говорить. По его мнению, король больше заслуживает внимания как государственный и политический деятель, нежели как полководец и военный реформатор, славу которых он заслужил только в результате стечения обстоятельств. – См. Brzezinski R. The Army of Gustavus Adolfus (2): Cavalry. Oxford, 1993, p. 34–35.

<sup>24</sup> См., например: Black J. European Warfare 1660–1815. New Haven – London, 1994; *idem*. European Warfare 1494–1660 and the Military Revolution. – History Review, march 2003; The Dynamics of Military Revolution, 1300–2050. New York, 2001.

<sup>25</sup> Rogers C.J. The Military Revolution of the Hundred Years’ War. – The Journal of the Military History, v. 57, № 2, April 1993, p. 276. См. также: Stone J. Technology, Society, and the Infantry Revolution of the Fourteenth Century. – The Journal of Military History, № 68, April 2004; Carey B.T. Warfare in the Medieval World. London, 2006, и др.

<sup>26</sup> Prestwich M. Armies and Warfare in the Middle Ages. The English Experience. New Haven – London, 1996. См. также: The Medieval Military Revolution: State, Society and Military Change in Medieval and Early Modern Europe. London – New York, 1995.

<sup>27</sup> Цит. по: Делюмо Ж. Цивилизация Возрождения. Екатеринбург, 2006, с. 211.

Спорным и неоднозначным выглядит, по мнению ряда современных историков, и вопрос о степени влияния перемен в военной сфере на заре Нового времени на политическое и социальное устройство европейских государств. Если с точки зрения сторонников военной революции создание сильных и многочисленных постоянных армий стимулировало процессы становления сильной власти и рождение абсолютистских монархий Нового времени, то, к примеру, Н. Хеншелл полагает, что все было с точностью до наоборот, ибо, по его мнению, абсолютизм есть не что иное, как историографический миф<sup>28</sup>.

К достаточно неожиданным результатам привела и попытка перенести концепцию военной революции в ее “классическом” варианте (пусть даже дополненном и исправленном Паркером) за пределы собственно Западной Европы. Несмотря на то, что более или менее качественных, не вторичных, работ, которые рассматривали бы развитие военного дела, к примеру, в Восточной или Юго-Восточной Европе, не так уж и много, они все-таки есть, и изложенные в них выводы и результаты выглядят весьма неординарно. Во всяком случае их нельзя однозначно истолковать в свете “ортодоксальной” теории военной революции<sup>29</sup>. Очевидно, это обусловлено во многом тем, что Робертс и его первые последователи оперировали материалами даже не всей Европы, а прежде всего Европы протестантской, Северной и Северо-Западной. Не секрет, что в основу концепции военной революции Робертса легли результаты его многолетних изысканий по шведской политической, социально-экономической и военной истории XVII в.<sup>30</sup> Однако условия, в которых развивалось военное дело в этих регионах, существенно отличались от западноевропейских. Естественно, что и попытка внедрить в военную практику Руси, османской Турции или Польши вместе с Великим княжеством Литовским последние технические и иные военные новинки на выходе давали иную, чем, например, во Франции, Германии или Испании, картину.

В этом плане примечательна небольшая статья английского историка Р. Фроста «Речь Посполитая и “военная революция”»<sup>31</sup>. Признавая в целом существование отдельных признаков военной революции в Речи Посполитой в середине XVI – середине XVII в., он, тем не менее, подчеркивал и существенные отличия ее протекания применительно к конкретным условиям польско-литовской государственности, по сравнению с “классическими” Швецией и Голландией. Дальнейшее развитие концепция “особенного” восточноевропейского варианта военной революции нашла в его работе “Северные войны 1558–1721”<sup>32</sup>.

Нечто подобное можно сказать и об особенностях развитии военного дела в рассматриваемый период на Востоке, прежде всего в Османской империи – наиболее сильном в военном отношении неевропейском государстве, долгое время представлявшим серьезную угрозу для Запада. Между тем проблемы изучения истории развития османского военного дела в тот период, когда в Европе происходила военная революция, не стали предметом пристального внимания историков<sup>33</sup>. Однако анализ приводимых некоторыми исследователями данных и опубликованных османских документов позволяет с уверенностью утверждать, что мнение об отсталости и примитивности османского военного дела применительно к рассматриваемому периоду явно ошибочно и османы также вступили на путь военной революции, только она развивалась у них по специфическому, османскому, сценарию.

---

<sup>28</sup> Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003, с. 10–11, 228–240.

<sup>29</sup> Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago – London, 1971; Poe M. Op. cit., и др.

<sup>30</sup> Roberts M. The Swedish Imperial Experience 1560–1718. Cambridge, 1979; *idem*. From Oxenstierna to Charles XII. Four Studies. Cambridge, 1991.

<sup>31</sup> Frost R.J. The Polish-Lithuanien Commonwealth and the “Military Revolution”.

<sup>32</sup> Frost R.J. The Northern Wars 1558–1721. London – New York, 2000.

<sup>33</sup> Murphey R. Ottoman Warfare 1500–1700. New Brunswick, 1999; Ağoston G. Guns for the Sultan. Military Power and Weapon Industry in the Ottoman Empire. Cambridge, 2005.

Итак, расширение поля исторического поиска и в географическом, и в хронологическом плане привело к своеобразному “разложению” прежде казавшейся вполне ясной и целостной концепции. Впрочем, это неизбежно при всякой попытке создать некую обобщающую теорию, абстрагируясь от несущественных на первый взгляд мелочей.

Сегодня интерес к идее военной революции несколько спал, и во многих последних публикациях она либо не упоминается вовсе, либо о ней говорится мимоходом<sup>34</sup>. Можно считать это естественным концом идеи, а можно – своего рода затишьем, после чего, возможно, произойдет возвращение к идее военной революции, но на новом, более высоком уровне. В любом случае, выступление Робертса более 50 лет назад сыграло весьма значительную роль. Оно пробудило интерес к изучению особенностей развития военного дела позднего Средневековья – раннего Нового времени и стимулировало дальнейшие изыскания в области исследования процесса становления государства и общества Нового времени с присущими им характерными чертами и институтами.

---

<sup>34</sup> См., например: *Davies B.L. Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe 1500–1700*. London, 2007; *Stevens C.B. Russia's Wars of Emergence, 1460–1730*. Harlow, 2007; *European Warfare, 1350–1750*. Cambridge, 2010, и др.